

А. Ю. Урманчиева

К ЭТИМОЛОГИИ ПРОБАБИЛИТИВНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ ТУНДРОВОГО НЕНЕЦКОГО -QXİӘ¹

Предложена этимология показателя -qxіә², который входит в состав нескольких морфологически неэлементарных глагольных грамматических показателей тундрового ненецкого языка. По крайней мере, для некоторых таких форм в последние годы устоявшимися терминами являются «пробабилитив» или «пробабилитив». Пробабилитив маркирует эпистемическую оценку, основанием для которой служат общие знания о мире. Этот показатель имеет нетривиальную морфологическую позицию: он входит в качестве второго компонента в составные показатели, первым компонентом которых могут выступать морфемы, исторически представляющие собой причастные показатели. Между тем в ненецком после причастных показателей невозможно употребление каких-либо морфем, за исключением лично-числовых показателей. Родственные ненецкому -qxіә показатели обнаруживаются в лесном энецком и в нганасанском. В лесном энецком когнатный показатель также является частью составного аффикса, в котором предшествующий компонент, как и в ненецком, исторически представлял собой суффикс причастия. В нганасанском когнатный показатель с тем же значением представляет собой элемент, который может употребляться либо как постпозитивная частица при любой финитной глагольной форме, либо как вспомогательный отрицательный глагол (при котором смысловой глагол стоит в неизменяемой форме – коннегative). Нетривиальная морфологическая позиция рассматриваемого показателя в тундровом ненецком и его когната в лесном энецком указывают на то, что и в этих языках интересующие нас формы восходят к аналитическим конструкциям. В то же время структура и грамматическое оформление элементов этих конструкций окончательно оформились независимо в каждом из трех языков.

Ключевые слова: *этимология, глагольная морфология, северно-самодийские языки, тундровый ненецкий язык, энецкий язык, нганасанский язык*

1. Пробабилитив в тундровом ненецком

Рассматривается этимология показателя -qxіә³, который входит в состав нескольких морфологически неэлементарных глагольных грамматических показателей тундрового ненецкого языка. В работах последнего времени для большинства форм из этого ряда используются термины «пробабилитив» (Salminen, 1997: 98, Nikolaeva, 2014: 92, 99–101) или «пробабилитив» (Буркова, 2010: 284–286). Семантика этих форм, на взгляд автора статьи, практически исчерпывающим образом описана С. И. Бурковой. Она отмечает, что пробабилитив выражает значение эпистемической модальности (низкая степень уверенности в достоверности высказывания) и описывает его следующим образом:

«Пробабилитив выражает эпистемическую оценку на основании логического вывода, общих знаний говорящего или отсутствия у него исходной информации. <...> Формы пробабилитива кодируют ситуацию, которую говорящий не воспринимает непосредственно, и его предположение о ней строится на основании косвенных признаков или отсутствия источника информации.

Показателем пробабилитива является аффикс -кы/-кэ, который всегда выступает в сочетании с тем или иным эвиденциальным аффиксом, кодирующим источник информации, лежащей в основе эпистемической оценки.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 22-28-01975 «Историческая грамматика самодийских языков».

² Формы грамматических показателей в тексте статьи записываются в соответствии с системой, используемой в [Salminen 1997; 1998], за исключением использования η вместо диграфа ng и символа ә вместо Ø и °. Текстовые примеры цитируются в орфографии источников.

³ Формы грамматических показателей в тексте статьи записываются в соответствии с системой, используемой в [Salminen 1997; 1998], за исключением использования η вместо диграфа ng и символа ә вместо Ø и °. При этом текстовые примеры цитируются в орфографии источников.

Структура словоформы пробабилитива имеет вид:

Tv-(CL)-(FUT)-EV-PROB-//-(PAST),

где Tv – основа глагола, CL – позиция для интраклитики, FUT – позиция для показателя будущего времени, EV – позиция для эвиденциального аффикса, PROB – позиция для показателя пробабилитива *-кы / -кэ*, // – позиция для лично-числового аффикса, PAST – позиция для показателя прошедшего времени» (Буркова, 2010: 284–285).

С. И. Буркова указывает на важную семантическую характеристику пробабилитива: этот показатель выражает эпистемическую оценку только определенного типа. А именно существуют ограничения на основание для эпистемической оценки – им могут быть общие знания о мире⁴.

К сожалению, в указанной работе не перечислены все возможные комбинации показателей, занимающих различные слоты в морфологической модели пробабилитивных форм, приведенной в процитированном фрагменте. Удалось найти пять различных форм пробабилитива; первые четыре хорошо известны, упоминаний последней не встречается. Примеры этих форм:

1. Сочетание пробабилитивного показателя *-qxix* с предшествующим показателем инферентива *-we/-te ~ -wix/-miz*; самостоятельное употребление показателя инферентива (совпадающего с причастием прошедшего времени) представлено примером (1), примеры (2)–(6) иллюстрируют сочетание инферентива и пробабилитива:

- (1) *Тикэвана сей-ко-ни хэ-сь нюдя Ябтоңэ' ва'в-'*
 тогда сердце-Dim-Gen.1 уйти-Inf младший PN постель-Асс
хор-ңа-м', мале ва'в хазе-вы-Ø.
 искать-Aor-o1 уже постель остыть-Infer-s3
 'Тогда, испугавшись, я проверила постель младшего Ябтоңэ, а постель уже **остыла, оказывается** (т. е. он уже давно ушел – А. У.)' (Куприянова, 1965: 399).

Пример (1) иллюстрирует классический контекст употребления инферентивной формы: говорящий непосредственно наблюдает результат, но приведшая к этому результату ситуация не засвидетельствована (в момент наблюдения зафиксирована уже остывшая постель). На первый взгляд кажется, что инферентив и пробабилитив логически несовместимы: инферентив маркирует суждения, основанные на интерпретации наблюдаемых результатов (или иных более косвенных признаков) незасвидетельствованной ситуации, пробабилитив – суждения, основанные на общих знаниях о мире (в отсутствие каких-либо конкретных наблюдаемых проявлений ситуации). Поэтому прокомментируем подробнее примеры (2)–(4). В каждом из них есть наблюдаемый результирующий компонент незасвидетельствованной ситуации, обуславливающий описание ситуации при помощи инферентивной формы. В то же время этот наблюдаемый результирующий компонент допускает несколько различных интерпретаций, из которых говорящий выбирает одну, исходя из общих знаний о мире – этим обусловлено употребление пробабилитивного показателя. Так, в примере (2) из двух ушедших шаманов один вернулся, а второго, вопреки ожиданиям, нет. Это те самые наблюдаемые признаки, которыми обусловлено употребление инферентивного показателя на глаголе 'умереть'. Вместе с тем эти наблюдаемые признаки являются достаточно косвенным указанием на возможную гибель

⁴ С. И. Буркова указывает также такой источник эпистемической оценки, как отсутствие исходной информации, но, на мой взгляд, и в этих случаях говорящий выносит суждения, основанные на общих представлениях о порядке вещей, иначе бы мы должны были допустить парадоксальную ситуацию, когда при отсутствии исходной информации говорящий может потенциально сформулировать абсолютно любое суждение не будучи ограничен абсолютно ничем в своих рассуждениях.

нганасанского шамана (его отсутствие может в принципе объясняться целым рядом других причин), поэтому употреблен показатель пробабилитива – показатель эпистемической оценки, основанной на общих знаниях о мире: с опорой на эти знания говорящий выбирает из нескольких возможностей наиболее вероятную.

- (2) Тыгу-’ тадебя-хо то-Ø, тавысо-’ тадьбя
 тунгус-GenPl шаман-Emph прийти.Aor.s3 нганасан-GenPl шаман
 ягу-Ø. Ха-ва-кы-Ø.
 не.иметься.Aor-s3 умереть-Infer-Prob-s3
 ‘Шаман-тунгус вернулся, а шамана-нганасана нет. Он, **наверное, умер** (Куприянова, 1965: 302).

В примере (3) наблюдаемым результатом является отсутствие людей в чуме, поэтому глагол ‘уйти’ употреблен в форме инферентива. В то же время в контексте явно содержится указание на то, что для оценки времени их ухода (да и самого факта добровольного ухода, а не, например, какого-либо произошедшего с жителями чума несчастия) у говорящего недостаточно данных (‘следов не видно, ничего не видно’), поэтому говорящий выносит суждение, в значительной степени дополняя скудные наблюдаемые результаты общими знаниями о мире:

- (3) Сяхо’ хэ-ва-кы-’, яля-’ хэ-ва-кы-’, у-’
 когда.то уйти-Infer-Prob-3Pl день-Gen уйти-Infer-Prob-3Pl след
 ни адю-’, амгэ ни адю-’.
 Neg.Aor-s3 видимым.быть-Сп что Neg.Aor-s3 видимым.быть-Сп
 [Люди вошли в чум, и оказалось, что в чуме пусто].
 ‘Наверное, они некоторое время назад **ушли, наверное**, они вчера **ушли, наверное**, следов не видно, ничего не видно’ (Куприянова, 1965: 299).

В примере (4) наблюдаемым результатом являются оставшиеся на опустевшем стойбище олени головы. Интерпретируя этот наблюдаемый результат, говорящий, используя форму инферентива, выносит суждение о том, что сыновья, оставленные пасти оленей, вероятно, забивали некоторых оленей на мясо. В то же время этот наблюдаемый результат может потенциально свидетельствовать и о других сценариях того, что произошло на стойбище (сыновей говорящий не нашел, и что с ними произошло, ему на тот момент неизвестно), поэтому говорящий выбирает наиболее вероятную из нескольких возможных интерпретаций, опираясь при этом на общие знания о мире, поэтому в (4) употреблен пробабилитивный показатель:

- (4) Мядэ-на-нту ты нэва-’’ хаю-вы-’’.
 оставленное.стойбище-LocAdv-3Pl олень голова-Pl остаться-Infer-s3Pl
 начеки-да харту тыду нѳр-ма-кы-’’.
 парень-3 сам.3Pl олень-AccPl.3Pl есть-Infer-Prob-s3Pl
 ‘На покинутом стойбище головы оленей остались, оказывается. **Наверное**, его парни (= сыновья, оставленные пасти оленей – А. У.) **ели** своих собственных оленей’ (Лабанаускас: 15).

2. Сочетание пробабилитивного показателя *-qxia* с предшествующим показателем причастия настоящего времени *-na/-ta/-da*. Самостоятельного употребления в виде финитного предиката эта причастная форма не имеет. В (Буркова, 2010: 285, 294–295) этому причастному показателю в составе составных глагольных маркеров приписывается функция выражения

презюмтивного значения, что кажется совершенно справедливым. Грамматическое значение презюмтива относится к сфере косвенной эвиденциальности. В (Плунгян, 2011: 473) про презюмтивные значения сказано, что они «обозначают утверждения о ситуации, делаемые говорящим не на основании конкретных наблюдаемых результатов, а на основании знания определенных причинно-следственных связей» (Плунгян, 2011: 473)). В (Aikhenvald, 2004) используются термины *assumed evidential* или *assumption* («based on evidence other than visible results: this may include logical reasoning, assumption, or simply general knowledge» (Aikhenvald, 2004: 63). Итак, показатель презюмтива позволяет говорящему маркировать такой источник информации, как выводы, основанные на общих знаниях о мире. Стоит отметить, что диахронически к показателю причастия настоящего времени, по всей видимости, восходит показатель презюмтива в другом самодийском языке – селькупском: это форма так называемого латентива с показателем *-ntə*. Оба показателя – ненецкий *-na/-ta/-da* и селькупский *-ntə* – восходят к прасамодийскому причастному показателю **-ntā*. Очевидно, что значения презюмтива и пробабилитива в значительной степени пересекаются: презюмтив – эвиденциальная форма, маркирующая такой источник информации, как общие знания о мире, пробабилитив – форма эпистемической модальности, употребляющаяся в том случае, если основанием для эпистемической оценки служат общие знания о мире⁵. Вероятно, именно это значительное семантическое пересечение этимологической презюмтивной формы т. нен. *-na/-ta/-da* и пробабилитивного показателя т. нен. *-qxiə* обусловило амальгамирование двух названных морфем в единый показатель таким образом, что этимологический презюмтив в ненецком в самостоятельном употреблении в итоге исчез. Ниже приводится несколько примеров на употребление этой формы. Очевидно, что суждение в (5) основано именно на общих представлениях: мужчина собирается свататься и раздумывает, сколько оленей необходимо взять в качестве калыма:

- (5) *He* *хадңо''* *мире-та-кы-Ө.* *Чета* *чет* *юр''*
 женщина как.бы.ни.было цена-VDN.Pres-Prob-s3 теперь четыре сто
тэ-д-ми *хана-псу-дм.*
 олень-Dest-Acc.1 взять-Deb-o1
 'Невеста, **наверное, дорого ценится**. Мне придется теперь взять с собой четыреста оленей' (Лабанаускас: 36).

В (6) говорящий также не апеллирует к каким-либо особенностям внешности (изможенный внешний вид) или поведения (жадные взгляды, бросаемые на еду) адресата, утверждая, что адресат, вероятно, устал и голоден. Это суждение опирается только на то, что говорящий знает – девушка прошла довольно долгий путь, а в такой ситуации люди обычно успевают устать и проголодаться:

- (6) *Чедāв* *ңōр-ъи-н.* *Понку* *ядер-чь* *никуда-на-кэ-н,*
 теперь есть-Cnj-s2 долго ходить-Inf устать-Pres-Prob-2
мэн *харбила-на-кэ-н*
 сытость-2 захотеть-Pres-Prob-s2
 'Поешь теперь. От долгой ходьбы ты, **наверное, устала и проголодалась** (Лабанаускас: 13).

3. Форма, в которой сочетанию показателя причастия настоящего времени *-na/-ta/-da* и пробабилитивного суффикса *-qxiə* дополнительно предшествует показатель будущего времени *-nə/-tə/-ŋgo*. Эта форма имеет референцию к будущему времени как и форма, представленная

⁵ С. И. Буркова специально отмечает отличие презюмтива от другой формы эпистемической модальности – аппроксиматива, употребляющейся в том случае, если эпистемическая оценка строится на непосредственном восприятии ситуации говорящим.

в п. 4, поэтому значения обеих форм удобно обсудить после второй группы примеров после того, как читатель ознакомится с ними:

- (7) *Ни-хва-б-то'* *тара'* *хад* *тане-сеты-Ø.* *Хад-хана*
 Neg-Emph-VACond-3Pl надо-Сп пурга иметься-Hab-s3 пурга-Loc
сю'-м ***е-т-на-кы-Ø.***
 PronAcc-1 потерять-Fut-Pres-Prob-s3
 'Хорошо бы поднялась пурга (досл: Когда не нужно, бывает пурга. В пургу он меня, **наверное, потеряет**' (Куприянова 1965: 302);

- (8) ... *ванк-ха''* *носла-вы* *хано-да* *мание-Ø* *уани,*
 яма-LatPl склониться-PtPraet нарта-AccPl.3 увидеть.Аок-s3 опять
ман-ма-Ø: – *Чедāв* *соду* ***ныкла-уго-да-на-кы-''***
 сказать-Infer-s3 теперь.Emph поводок-Pl.3Pl порваться-Fut-Pres-Prob-s3Pl
 '... увидел накренившиеся в ямы нарты и сказал: «Теперь-то постромки, **наверное, порвутся**»' (Лабанаускас: 48).

4. Сочетание пробабилитивного показателя *-qxia* с предшествующим показателем дебитива *-bca*, как уже упоминалось выше, эта форма также имеет референцию к будущему времени:

- (9) *Мань поер-чь* *ехэра-дм.* *Не-ми* ***хэ-пса-кы-Ø.***
 я рубить.дрова-Inf не.знать.Аог-s1 жена-1 сходить.за-Deb-Prob-s3
 [– Сам доставляй дрова для своего чума!]
 '– Не мое дело ездить по дрова! Жена, **думаю, должна ездить**' (Лабанаускас: 62);

- (10) *Хар-ти'* *мя-кна* *ни-ди'* ***торомда-бца-кэ-'***
 сам-3Du чум-Loc товарищ.Pl-3Du привыкнуть-Deb-Prob-s3Pl
 [Жених приехал жить в стойбище невесты, сидит на улице, не хочет войти в чум семьи невесты. Отец невесты говорит: '– Женщины, поставьте чум. Он не хочет войти в наш чум. Он никогда нас не видел, поэтому он нас боится.] 'Они, **наверное, должны привыкнуть** друг к другу в отдельном чуме.' (Куприянова, 1965: 317).

- (11) *Эдале-да-ко* *таня-вы-Ø-не',* ***то-бца-кы-Ø.***
 ездить-PtPraes-Dim иметься-Infer-s3-NegEmph прийти-Deb-Prob-s3
 [Так шагая, я дошел до кучи бревен. Тут оказался санный путь. Видимо, кто-то увозил дрова. Я подумал: «Я очень устал».] 'Есть ездок, он, **наверное, должен приехать**' (Куприянова, 1965: 321–322).

Теперь следует рассмотреть семантическое различие между формами, проиллюстрированными примерами из группы 3 и группы 4. С. И. Буркова комментирует только значение формы *-bca-qxia*: она указывает, что показатель *-bca* «выражает значение “ментального” проспектива, указывающего на предопределенность некоторой потенциальной ситуации намерениями говорящего, либо реже внешними по отношению к участнику описываемой ситуации обстоятельствами, наблюдаемым говорящим или известными ему» (Буркова, 2010: 286). Значение «ментального» проспектива С. И. Буркова при этом относит к эвиденциальным значениям – хотя в более традиционной трактовке дебитив связывается с модальностью необходимости или долженствования, а также с эпистемической необходимостью. Отнесение этого показателя к группе эвиденциальных позволяет С. И. Бурковой, в частности, объяснить с чисто синхронных позиций сочетаемость этого показателя с показателем эпистемической

возможности – пробабилитивным *-qxia*. В данной статье в группах 3 и 4 примеры были подобраны таким образом, чтобы среди них не было примеров с 1-м и 2-м лицом: формы с показателем *-qxia* (являющимся показателем эпистемической возможности) при употреблении по отношению к локуторам легко развивают дополнительные значения вежливого предложения, побуждения, вежливого выражения собственных намерений (как правило, намерений сделать что-то самостоятельно, не привлекая слушающего) и т. п. При сопоставлении примеров с 3-м лицом видно, что разница между примерами из 3 и 4 группы не так велика и скорее обусловлена (в случае группы 4) приращением дебитивной, нежели эвиденциальной семантики. Так, в примере (9) форма *-bca-qxia* комбинирует выражение деонтической необходимости (необходимость совершения действия лицом социально более низкого статуса – женой) со значением пробабилитива (маркирующего мнение имеющего более высокий социальный статус говорящего о мироустройстве как основание для суждения). Усматривать в этом примере специфическую эвиденциальную семантику кажется излишним. Пример (10) невозможно однозначно интерпретировать как выражающий значение внутренней необходимости (молодожены должны в уединении привыкнуть друг к другу) либо как эпистемическое долженствование, то есть высокую степень уверенности (молодожены в уединении наверняка привыкнут друг к другу), пример (11) определенно выражает эпистемическое долженствование – эпистемическая оценка основана на анализе внешних обстоятельств, в которых, исходя из общих законов миропорядка, будущая ситуация наступит с высокой вероятностью. Теперь перейдем к примерам из группы 3. Пример (7) является транспонированием чистого презумптивного значения (суждения, выносимого исходя из общих знаний о мире) в сферу будущего времени. Но в примере (8) контекст, по сути, не отличается от контекста примера (11): в обоих случаях присутствует определенный набор внешних обстоятельств, на основании анализа которых, исходя из общих представлений о мироустройстве, говорящий выносит суждение о наступлении будущей ситуации. Усматривать между (8) и (11) разницу в источнике информации о будущей ситуации – разницу такого порядка, которая предопределила бы интерпретацию этих примеров как представляющих различные эвиденциальные формы – все же не удастся. Нисколько не умаляя достоинства тонкого семантического анализа этих форм в работе С. И. Бурковой – анализа, значительно превосходящего по глубине и точности, например более позднюю грамматику (Nikolaeva, 2014), в данном случае видится по отношению к ряду форм более оправданным не столь последовательное применение структурного подхода, при котором семантика морфологически неэлементарных форм представляется как сумма значений морфем, образующих составной показатель. Некоторые такие комбинации следует рассматривать уже как идиоматизированные. Например, показатель *-bca-qxia* представляет собой уже семантическую амальгаму, что снимает проблему сочетания двух показателей одной категории (эпистемической модальности в данном случае) в одной словоформе.

Надо сказать, что эта проблема, очевидно, изначально и не возникала: в этой работе этимология пробабилитивного показателя указывает на исконно аналитическую конструкцию, а в аналитической конструкции требований к тому, чтобы в пределах конструкции не было дублирования выражения одного и того же значения, конечно, нет.

5. Форма, в которой сочетанию показателя инферентива *-we/-me ~ -wia/-mia* и пробабилитивного суффикса *-qxia* дополнительно предшествует показатель будущего времени *-na/-ta/-ŋgo*, форма имеет значение ирреалиса⁶:

(12)	<i>Чедāв</i>	<i>не</i>	<i>ню-ни</i>	<i>мюд</i>	<i>тэд</i>	<i>нянэся</i>
	теперь.Emph	женщина	ребенок-Gen.1	аргиш	олень-Pl.2	правда

⁶ Сочетание в одной глагольной форме, синтетической либо аналитической, футурального и претеритального показателей для выражения ирреальной семантики обычно для северно-самодийских языков.

хо-д.	Ню-ми	ха-вы	ңэ-п-та	чуку
найти.Aor-opl2	ребенок-1	умереть-PtPraet	быть-VACond-3	этот
ты-да	таси	илаң-гана	мэт-ңго-ва-кы-да.	
олень-Acc.Pl-3	нижний	мир-Loc	использовать-Fut-Infer-Prob-opl3	
‘Теперь ты, действительно, нашел оленей из аргиша моей дочери. Если бы она умерла, она запрягала бы, наверное , этих оленей в потустороннем мире.’ (Лабанаускас: 27).				

Итак, во всех формах из этого ряда показатель *-qxîä* выражает значение эпистемической оценки, основанной на общих знаниях о мироустройстве. Но для этимологизации данного показателя важна не только семантика, но и его морфологические свойства, а именно его позиция в словоформе: как уже обсуждалось, он занимает слот после причастных показателей. Если бы показатель пробабилитива происходил из какого-либо деривационного суффикса, его позиция была бы в конце основы до грамматического показателя причастия, если бы из интраклитики (об интраклитиках см. (Жданова, 2000; Буркова, 2010: 333–341)) он занимал бы позицию после словообразовательных показателей, но до словоизменятельных, то есть также предшествовал бы причастному показателю. Соответственно, наиболее вероятным выглядит предположение о стяжении какой-либо конструкции, в которой причастная форма знаменательного глагола сочеталась со вспомогательным глаголом либо частицей. Праформа этого показателя на основании данных тундрового ненецкого восстанавливается как **-t̃kâjâ* (развитие последовательности **-âjâ > т. нен. iâ* можно проиллюстрировать, например, формой перфективного (пассивного) причастия: **-mââ* (ср. нг. *тәә*) $>$ т. нен. *-miâ ~ -wiâ*).

2. Пробабилитив в нганасанском

В нганасанском есть вспомогательный элемент *äku*, который может выступать либо как частица, согласующаяся по числу с подлежащим (либо, что то же самое, со смысловым глаголом), см. (13)), либо как спрягаемый глагол с дефективной парадигмой (и в корпусе, и в грамматике (Wagner-Nagy, 2018) можно найти только спрягаемые формы презенса этого глагола), в последнем случае смысловой глагол имеет форму коннегатива, см. (14). Б. Вагнер-Надь обращает внимание на две нестандартные особенности этого вспомогательного глагола: он всегда стоит после смыслового глагола⁷ и не имеет собственного гармонического класса, уподобляясь по гармонии смысловому глаголу (Wagner-Nagy, 2018: 102–103), ср. (14) с формами U-гармонии и (15) с формами I-гармонии. Б. Вагнер-Надь считает, что первичной была частица *äku*, лексикализовавшаяся во вспомогательный глагол (Wagner-Nagy, 2018: 102–103). Вспомогательный глагол при этом образует более грамматикализованную конструкцию: проверка по нганасанскому корпусу показала, что частица, в отличие от вспомогательного глагола, является гармонически независимой. Значение частицы *äku* и вспомогательного глагола *äku-/äkj-* – маркировать предположение, основанное на общих знаниях о мире. Так, примеры (13) и (14) представляют собой комментарии рассказчика к рассказываемому им тексту: в обоих случаях известная ему каноническая версия текста, очевидно, не содержит никаких сведений о том, что вынесено в его комментарий, однако из общих знаний о миропорядке он с высокой степенью вероятности может утверждать, что на стойбище должна быть собака (или, как сам он себя поправляет, даже, скорее, собаки, а не собака) и что братья говорят друг с другом на одном (родном для них обоих) языке. А в (15) говорящий из общих соображений утверждает, что люди не всегда рады, когда к ним приходят в гости слишком большой компанией.

⁷ Обычный отрицательный глагол стоит в препозиции к смысловому и может уходить в постпозицию только в особой конструкции, которая в итоге имеет значение эмфатического утверждения, см. об этой конструкции (Гусев, 2020).

- (13) *Tə, təx. tənīʔua malūtū-ndə-tuŋ, kaŋgūčekūənəiʔ,*
 вот Excl так жить.на.одном.месте-Praes-s3Pl когда.то
бана-ʔку-туу тәи-сюә-Ø әку-Ø бану-чуу
 собака-Dim-3Pl иметься-Praet-s3 Pres собака-Pl.3Pl
тәи-сюә-ʔ әку-ʔ, банә-ʔ логиаләʔ-мыны-чиу.
 иметься-Praet-s3Pl Pres-Pl собака-Pl залаять-Aud-3Pl
 ‘Так они жили, когда-то, собачка **была, наверное**, у них, **может**, собаки **были**, собаки залаяли, слышно’;
- (14) *Tə, tətī ninybtīa-ʔku-ʔu mуну-муну-чу ʔадя-ту дя,*
 вот теперь старший-Dim-3 сказать-Aud-3 брат-Gen.3 к
ʔонә-н-ту сиәде-мәну-нту буәʔ әку-ту-Ø<...>
 сам-Gen-3 язык-Prol-3 говорить-Cn Pres-Praes-s3
 ‘Старший сказал своему брату, на своем родном языке, **наверное, говорит**: <...>’
- (15) *Tətī канә-гүә салдаатә-рә мынтыде-ʔ, куә хирә-гүә,*
 теперь сколько-Emph солдат-2 взять-imps2 какой высота-Emph
бәньдикаа ни-не мынтәлә-ʔ, ʔукәгәә мазай-чу минтīагәны
 весь Neg-impopl2 брать-Cn много гостить-PtPraes вероятно
ни-ʔ әкы-ты-Ø ху-ʔ, канә-гүә-рә кои-ʔ.
 Neg-s3Pl Pres-Praes-s3 хотеть-Cn сколько-Emph-2 оставить-imps2
 ‘Сколько-то солдат с собой возьми, всех не бери, много гостей они, **может быть, не хотят**, сколько-то оставь’.

3. Пробабилитив в лесном энецком

В лесном энецком есть застывшая форма, которая может употребляться либо в значении пробабилитива будущего времени (16), (17), либо в значении хабитуалиса (18), (19) с дополнительным компонентом эмфатической ассерции (это значение легко выводимо из первого, см. комментарии в переводах примеров (18) и (19):

- (16) *Амули-р ань тәхә, тәза, тәза не-хи дябу-да-Ø,*
 черт-2 опять потом сейчас сейчас ребенок-Du[Acc] догнать-Fut-s3
ань то-зкода-Ø чики мя-т.
 опять прийти-Pres-s3 тот чум-Lat
 ‘Великанша-то вот, сейчас детей догонит, тоже **наверняка придет** в этот чум’ (Сорокина, Болина, 2005: 61 // текст 12, предл. 170);
- (17) *Модь-хо но-ны-нь то-о ʔир ʔа-Ø.*
 я-Emph к-Лос-1 прийти-Nmlz высота быть-Aor-s3
То-хоо-сь то-зкода-Ø чики-р.
 прийти-Emph-Inf прийти-Pres-s3 тот-2
 ‘По-моему, он в силах прийти. Прийти-то **придет он, думаю**’ (Сорокина, Болина, 2005: 126// текст 23, предл. 51–52);
- (18) *Эчуи канә-хаз мят ме кабе-раха э-зкода-Ø.*
 Ребенок [-GenPl] уйти.Nmlz-El чум-Lat чум мертвый-Comp быть-Pres-s3
 ‘После отъезда детей домой чум как вымершим **бывает**’ (= ‘как вымерший, конечно, будет’) (Сорокина, Болина, 2005: 79 // текст 71, предл. 79);

- (19) *Ани-хин* *кадя-сь* *дязу-бу-та* *пери* *пеузумною*
опять-LocPl охотиться-Inf ходить-VACond-3 всегда вечером
куру-ун ***то-зкода-Ø***
куда-ProI прийти-Pres-s3
'Когда он иногда уходит охотиться, всегда вечером вовремя **приходит** (= 'вечером
вовремя, конечно, придет')' (Сорокина, Болина, 2005: 190 // текст 45, предл. 25).

В лесном энецком эти презумптивные формы встречаются редко: зафиксированы только формы 3-го лица единственного числа субъектного спряжения и только от двух глаголов: *to-* ‘прийти’ и *e-* ‘быть’. Формы эти выглядят как *to-δkoda* и *e-δkoda* соответственно. Показателем презумптива является составной суффикс */-δ[V]koda/* – трехсложная структура показателя и в этом случае указывает на стяжение аналитической конструкции – и логично предположить, что в этой конструкции участвовал тот же вспомогательный элемент, который сохраняет самостоятельность в нганасанском. Оба глагола – *to-* ‘прийти’ и *e-* ‘быть’ – этимологически представляют собой основы с **j* в ауслауте, соответственно, первый согласный *δ* презумптивного показателя лесного энецкого может отражать кластер **nt* (финальный *j* основы и начальный кластер *nt* суффикса образуют трехсложный кластер, который упрощается следующим образом: **jnt>jt>t>* эн. *δ*). Соответственно, в энецком мы имеем показатель вида:

*-ntâ-t ³ ko-ntâ	vs.	*-ntâ=t ³ kâ-ntâ
-Fut/Np.Cn=t ³ ko-Fut		PtPraes=t ³ kâ-Fut-

В первом случае (если предполагать, что в конструкции произошло стяжение с коннегативом смыслового глагола) конструкция оказывается ближе к нганасанской (футуральный показатель в северно-самодийских языках закономерно остается в коннегативной форме смыслового глагола):

*OCHOBA- <i>ntâ-t³ko-ntâ</i> <	*OCHOBA- <i>ntâ-ʔ</i>	<i>â-t³ko-ntâ</i>
	*OCHOBA-Fut/Np-Cn	Pres-Fut

Между энецким и нганасанским редко, но встречается соответствие нг. *и* = эн. *о*, ср. нг. *тухы* ‘пуговица’, т. эн. *tobe* ‘застежка в оленьей упряжи’.

Во втором случае (если предполагать, что в стяжении участвовала причастная форма смыслового глагола) конструкция оказывается ближе к ненецкой.

*OCHOBA- <i>ntā-t³kā-ntā</i> <	*OCHOBA- <i>nta</i>	<i>āt³kā-ntā</i>
	*OCHOBA-PtPraes	Pres-Fut

Вторая интерпретация кажется предпочтительнее. Дело в том, что эта форма свойственна только лесному энецкому и она выглядит инновацией на фоне общеэнецкого презумптива с показателем *-ta*, ср. пример (20) из тундрового энецкого и (21) из лесного энецкого:

- (20) *Mod'i s'iiʔ i-ta-ʔ sooʔe-ʔʔ*
я PronAcc-1 Neg-Pres-s3Pl видеть-Cn
[Чуть на меня не бросают <тесанный лес>. Что такое с ними?] 'Наверно, они не видят
меня?';

- (21) *Каса-р* *тука-хо-за,* *обу-за,* *тука-за* *пери* *иџа-Ø*
товарищ-2 топор-Emph-3 что-3 топор-3 всегда Assert-s3
тонэ, *кору-за* ***тонэ-тау,*** *онэй* *энчи*
иметься[-Cn] нож-3 иметься-Pres.Emph.s3 настоящий человек

ηα ниу.
 быть [.Cn] Neg.Emph.s3

‘Что касается этого товарища, топор-то, что ж, топор у него, конечно, всегда есть, думаю, нож есть, он ведь энец’ (Сорокина, Болина, 2005: 281 // текст 78, предл. 38).

Итак, учитывая наличие общеэнецкой формы презумптива, а также хорошо известный факт влияния тундрового ненецкого на лесной энецкий, можно думать, что в лесном энецком форма с показателем *-δkoda*, скорее всего, возникла под влиянием ненецкого. Причем учитывая, что она зафиксирована только для двух глаголов, она не является полноценной формой глагольной парадигмы: скорее, ее можно рассматривать как «застывшее» заимствование, использование которого расширяет возможности языка традиционного фольклора. Вместе с тем эта форма хоть и близка ненецкой, но не тождественна ей, что показывает, что заимствование в лесной энецкий произошло тогда, когда аналитическая конструкция в ненецком еще не стянулась и второй элемент в ней вел себя как вспомогательный глагол. Это, в частности, позволило присоединить к нему в лесном энецком футуральный показатель (*-δko-da*) аналогично тому, как в нганасанском к нему присоединяется презентный показатель (*эку-ту ~ эку-ты*).

Заключение

Таким образом, в трех северно-самодийских языках мы находим аналитические конструкции (конструкция стянулась в синтетическую форму в тундровом ненецком и лесном энецком и демонстрирует сильные ограничения на морфологическую форму вспомогательного элемента в нганасанском) со значением пробабилитива. Возвести эти три конструкции к единой праформе при этом невозможно. Во-первых, не получается напрямую отождествить элементы, отражающие в трех названных языках вспомогательный глагол:

- в нганасанском это спрягаемый элемент, возводимый к форме **â³kâ(-Praes)-Px* либо частица, возводимая к праформе **â³ka-Sg²Du/Pl*;
- в лесном энецком это реликт спрягаемого элемента, возводимый к праформе *ât3kâ-Fut(-Px)*;
- в тундровом ненецком суффикс *-qxîä* отражает праформу типа **â³kâ-jâ-Px*, в которой элемент *-jâ*, возможно, является атрибутивным показателем.

Различие в вокализме (**â* в нганасанском, **ê* в тундровом ненецком и энецком), вероятно, объясняется нерегулярными фонетическими изменениями, сопровождавшими стяжение аналитической конструкции.

Во-вторых, вспомогательный элемент может предъявлять различные требования к оформлению смыслового глагола:

- в нганасанском, если вспомогательный элемент спрягается, глагол стоит в форме коннегатива, если же вспомогательный элемент является частицей, он сочетается с любой финитной формой смыслового глагола;
- в тундровом ненецком, вероятно, вспомогательный элемент спрягался сам и при этом сочетался с тремя спрягаемыми формами смыслового глагола: презумптивом (восходящим к имперфективному причастию), инферентивом (восходящим к перфективному причастию) и дебитивом. Затем при стяжении аналитической конструкции личные показатели остались только на вспомогательном элементе;
- в лесной энецкий, вероятно, была заимствована аналитическая презумптивная форма тундрового ненецкого – смысловой глагол, так же как в аналогичной форме тундрового ненецкого, оформлен показателем имперфективного причастия, но вспомогательный глагол в лесном энецком при этом отражает не зафиксированную для тундрового ненецкого стадию, в которой вспомогательный элемент сохранял возможность присоединять собственные показатели глагольных грамматических значений.

Итак, в северно-самодийских языках есть ряд форм с общим презумптивным значением, связанных общностью происхождения из аналитических конструкций с фонетически сходным вспомогательным элементом. Тем не менее, как видим, эти конструкции окончательно оформились независимо в каждом из трех языков (возможность варьирования структуры аналитической конструкции нганасанский сохраняет и на синхронном уровне).

Список сокращений:

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо; Acc – аккузатив; Aor – аорист; Aud – аудитив; Cn – коннегатив; Cnj – конъюнктив; Comp – компаратив (форма уподобления чему-либо); Deb – дебитив; Dest – дестинатив; Dim – диминутив; Du – двойственное число; El – элатив; Emph – интраклитика с эмфатическим значением; Excl – восклицание; Fut – будущее время; Gen – генитив; Hab – хабиуталис; imp – личные показатели императивной парадигмы; Inf – инфинитив; Infer – инферентив; Lat – латив; Loc – локатив; LocAdv – показатель локативного падежа, используемый в наречиях и послелогах; Neg – отрицательный вспомогательный глагол; Nmlz – номинализация; Np – имперфектив; o – объектное спряжение; opl – объектное спряжение при объекте множественного числа; Pl – множественное число; PN – имя собственное; Praes – настоящее время; Praet – прошедшее время; Pres – презумптив; Prob – пробабилитив; Prol – пролатив; PronAcc – основа, используемая для образования аккузативных форм личных местоимений; PtPraes – имперфективное причастие; PtPraet – пурфективное причастие; s – субъектное спряжение; VACond – условное деепричастие; VDN – суффикс отыменного глагола.

Источники:

Лабанаускас К. И. (сост.). Ямидхы “лаханаку” – Сказы седой старины. М.: Русская литература, 2001.
Сорокина И. П., Болина Д. С. Энецкие тексты. СПб: Наука, 2002.
Куприянова З. Н. (сост.). Эпические песни ненцев. М.: Наука, 1965.

Литература:

Aikhenvald A. Yu. Evidentiality. Oxford: Oxford University press, 2004.
Nikolaeva I. A Grammar of Tundra Nenets. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014 (Mouton Grammar Library, 65).
Salminen T. Tundra Nenets Inflection. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 227)
Salminen T. A Morphological Dictionary of Tundra Nenets. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998 (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXVI).
Wagner-Nagy B. A Grammar of Nganasan. Leiden; Boston: Brill, 2018.
Буркова С. И. Краткий грамматический очерк восточных говоров тундрового диалекта ненецкого языка // С. И. Буркова, Н. Б. Кошкарева, Р. И. Лапандер и др. (сост.). Диалектологический словарь ненецкого языка. Тюмень: БАСКО, 2010. С. 179–349.
Гусев В. Ю. ‘Разве он дороги не знает’: к грамматикализации риторических вопросов в северно-самодийских языках // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.3. P. 53–94. DOI: 10.30842/alp2306573716303
Жданова Т. Ю. Об интраклитических частицах в северно-самодийских языках (на материале ненецкого и нганасанского языков) // Congressus Novus internationalis Fenno-Ugristarum. Pars II. Tartu. 2000. P. 287–288.
Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.

Урманчиева Анна Юрьевна.
Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.
Институт лингвистических исследований РАН.
Тучков пер., 9, Санкт-Петербург, 199004.
E-mail: urmanna@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 13 ноября 2022 г.

A. Yu. Urmanchieva

ON THE ETYMOLOGY OF THE PROBABILITATIVE SUFFIX -QXIƏ IN THE LANGUAGE OF THE TUNDRA NENETS

The article proposes the etymology of the suffix *-qxiə*, which is part of several morphologically complex verbal grammatical markers of the Tundra Nenets language. In recent publications, most of these forms use the terms probabilitive or probabilistic. The probabilitive suffix denotes an epistemic estimate based on common knowledge. This suffix has a non-trivial morphological position in the Tundra Nenets language: it is used as the second component in compound markers, the first component of which may be a morpheme based on suffixes of the perfective or imperfective participle. Conversely, no morphemes other than personal suffixes can be used after participial suffixes in the Tundra Nenets language. Grammatical markers historically related to Tundra Nenets *-qxiə* are found in the Forest Enets and Nganasan languages. In the Forest Enets language, the cognate morpheme is also part of a compound affix where the preceding component goes back to a participial suffix, as in the Tundra Nenets language. In Nganasan, the cognate marker with the same meaning is a syntactically independent element that can be used either as a particle attached to any finite verb form or as an auxiliary that marks the main verb with a connegative suffix. The nontrivial morphological position of the marker in the Tundra Nenets language and its cognate in the Forest Enets language suggests that the forms under consideration in these languages also derive from auxiliary constructions. At the same time, the structure and grammatical form of the elements of these constructions have developed independently in each of the three languages.

Keywords: *Etymology, verbal morphology, Northern Samoyedic languages, Tundra Nenets language, Enets language, Nganasan language*

References:

- Aikhenvald A. Yu.** Evidentiality. Oxford: Oxford University press, 2004.
- Burkova S. I.** Kratkiy grammaticheskiy ocherk vostochnykh govorov tundrovogo dialekta nenetskogo yazyka [A brief grammatical sketch of the Eastern varieties of the Tundra dialect of the Nenets language]. In: S. I. Burkova, N. B. Koshkareva, R. I. Laptander et al. (comp.). Dialektologicheskii slovar' nenetskogo yazyka [Dialectological dictionary of the Nenets language]. Tyumen': BASKO, 2010. P. 179–349.
- Gusev V. Yu.** 'Razve on dorogi ne znayet': k grammatikalizatsii ritoricheskikh voprosov v severnosamodiyskikh yazykakh ['Does not he really know the way': On grammaticalization of rhetoric questions in North Samoyed languages] // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.3. P. 53–94. DOI: 10.30842/alp2306573716303
- Nikolaeva I. A.** Grammar of Tundra Nenets. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014 (Mouton Grammar Library, 65).
- Plungian V. A.** Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskiye znacheniya i grammaticheskiye sistemy yazykov mira [The Introduction into Grammatical Semantics: Grammatical Meaning and Grammatical Systems of the World's Languages]. Moscow: RSUH, 2011.
- Salminen T.** A Morphological Dictionary of Tundra Nenets. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998 (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXVI).
- Salminen T.** Tundra Nenets Inflection Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997 (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 227).
- Wagner-Nagy B.** A Grammar of Nganasan. Leiden; Boston: Brill, 2018.
- Zhdanova T. Yu.** Ob intrakliticheskikh chastitsakh v svernosamodiyskikh yazykakh (na materiale nenetskogo i nganasanskogo yazykov) [On Intracletic Particles in North Samoyedic Languages (based on Nenets and Nganasan data)]. In: Congressus Nonus internationalis Fenno-Ugristarum. Pars II. Tartu. 2000. P. 287–288.

Urmanchieva Anna Yuryevna
Candidate of Philology, senior Researcher.
Institute for Linguistic Studies RAS.
Tuchkov lane, 9, St. Petersburg, Russia. 199004.
E-mail: urmanna@yandex.ru